

ТЕАТРАЛИЗОВАННЫЙ ДЖАЗ

„НЕОБЫЧАЙНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ“ БЕРЕЗОВСКОГО

Рис. В. ХЛЕБОВСКОГО

Театрализованный джаз

Существует легенда о джазе, о его экзотически-негритянском происхождении. Старейших знаковых — трубу, тромбон, кларнет, треугольник, а заодно и саксофон — чудесный инструмент, изобретенный в сороковых годах прошлого столетия немцем Саксом, — «превратили» в экзотический первобытный национально-негритянский инструментарий. Джаз стал «национальной проблемой», а кое-кто до сих пор искренно уверен, что ресторанные чарльстоны и фоксы — это и есть истинное негритянское искусство.

Давно пора разоблачить эту буржуазную фальшивку о джазе и о национальном негритянском искусстве в европейских и американских кабаках. Джаз родился в кабаке, так же как и тот фокстротно-чарльстонный репертуар, который связан и сопутствует ему.

А если попробовать вытащить джаз из кабака, очистить его от ресторанной скверны? Для нас ведь не существует однозвучных инструментов, для нас существует лишь однозвучная музыка. А если освободить джаз от этой музыкальной пошлятины, перепланировать его состав, дать ему другую, интересную, живую, хорошую музыку? Можно ли тогда использовать этот оркестр на эстраде, для малых музыкальных форм и т. д.? Нам представляется это осуществимым и интересным. Ведь как оркестровый ансамбль джаз бесспорно таит в себе чрезвычайно любопытные; в большой мере нераскрытые и неиспользованные еще выразительные возможности. Только изымая джаз из ресторана и переводя его на эстраду, не нужно вместе с ним тащить на эту эстраду и его старую унылофокстротную, безвкусную и пошлую музыку — как это по существу делает, например, джаз Утесова. Это трудно, но, повторяем, на наш взгляд осуществимо.

В этом смысле обнадеживающее впечатление производит новый джаз-театр Березовского. Джаз-театр — это звучит слишком гром-

ко, о театре пока говорить еще рано. Сейчас есть только неплохой ансамбль, технически и музыкально достаточно квалифицированный, несколько неровный по составу: наряду с превосходным первым трубочником, пианистом, ударником в нем есть музыканты более слабые. Очень хорошее впечатление производит работа молодого способного Кнушевицкого, ведающего в ансамбле музыкальной частью.

Всякий такого типа новый джаз — хочет он того или не хочет — будет, конечно, сравнивать с джазом Утесова. Чтобы быть жизнеспособным, получить признание передовой музыкальной общественности, такой джаз должен сразу же приобрести свое собственное художественное лицо, занять четкую позицию — и эта позиция — скажем прямо — должна противостоять утесовскому джазу. В этом смысле

первая программа джаза Березовского несколько двойственна и противоречива. В «Необычайном путешествии», в которое джаз пускается по нашему Союзу, есть ряд очень хороших музыкально-сильных номеров. Хорошо сделана русская песня, украинский номер с его неожиданным и остроумным соединением (путем контрапунктического наложения) грустного и плясового мотивов, два еврейских (в том числе буффонно звучащий традиционный «фрейлахс»). Но тут же Березовский не выдерживает тона и впадает в явно утесовский план — его первый биробиджанский номер — плоско-ресторанная музыка. Или, например, выход участников джаза — на обычном, по всем канонам сделанном, фокстроте — заставляет зрителя сейчас же вспомнить об эстраде в «Эрмитаж». То же с концовкой программы. Зачем джазу

Березовского пришло в голову имитировать финальную песню Утесова?

Вторая часть программы — «ествование» и «юбилейный концерт» — слабее «Путешествия» прежде всего по тексту. Вообще литературная часть в джазе Березовского сейчас чрезвычайно примитивна и является наиболее уязвимым местом во всем его выступлении. Программа в целом не имеет еще четкой формы и стержня и по существу рассыпается на ряд отдельных более или менее удачных эстрадных номеров. Ансамбль не нашел еще формы подачи своей программы. В музыкальном плане в «концерте» есть один превосходный номер — это пародия на теноровое исполнение арии «Смейся, паяц». В то время, как сам «тенор» Березовский беззвучно, мимически «исполняет» и «переживает» арию, тромбон, чрезвычайно уморительно захлебываясь, фальшивя и вереща, играет самую мелодию. Это злая и удачная сатира на оперных наших вокалистов. Второй «концертный» номер — пародия на чарльстон — менее удачна, она недостаточно остра и смахивает на простое «честное» исполнение чарльстона. А следующие номера в программе концерта — просто плохи. Больше самокритики, требовательности к самим себе, непримиримости ко всякого рода пошлятине, больше художественного вкуса — вот что нужно этому коллективу. Начинаяшему работать в очень острой «эстрадной» обстановке, в обстановке законного недоверия, скептического отношения вообще к джазу как дискредитированному и опошленному многочисленными ревнивыми рестораношантанной эстрады жанру — джаз-театру Березовского необходимо чрезвычайно тщательно продумать и выверить линию своего художественного поведения, четко наметить пути своей работы, форму и содержание своего спектакля.

М. СОКОЛЬСКИЙ